

Ссылка для цитирования этой статьи:

Бегова Д.Я., Багатыров А.М. Баланс публичного интереса и прав личности при применении мер уголовно-процессуального принуждения // Human Progress. 2026. Том 12, Вып. 4. URL: http://progress-human.com/images/2026/Tom12_4/Begova.pdf DOI 10.46320/2073-4506-2026-4a-1.

УДК 343.13

БАЛАНС ПУБЛИЧНОГО ИНТЕРЕСА И ПРАВ ЛИЧНОСТИ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕР УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Бегова Динара Якубовна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Юридический институт,
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала, Российская Федерация

Багатыров Ахмедхан Магомедтагирович

магистрант,
Юридический институт,
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала, Российская Федерация;
независимый исследователь

Аннотация. В статье исследуется соотношение публичного интереса и прав личности при применении мер уголовно-процессуального принуждения. Рассматриваются конституционные пределы ограничения прав, нормы УПК РФ о мерах пресечения и иных мерах принуждения, разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, позиции Конституционного Суда Российской Федерации и научные подходы к оценке допустимости процессуального вмешательства. Обосновывается, что публичный интерес в уголовном процессе не может сводиться к интересу обвинения в наиболее удобной или строгой мере воздействия. Его правовое значение проявляется лишь тогда, когда ограничение связано с назначением уголовного судопроизводства, подтверждено конкретными фактическими обстоятельствами и остается соразмерным проверяемому процессуальному риску. Отдельное внимание уделяется заключению под стражу, домашнему аресту, запрету определенных действий, залогу и аресту имущества. Предлагается уточнить общие критерии применения мер принуждения, усилить требования к судебной мотивировке, развивать реальные альтернативы изоляции, а также закрепить дополнительные гарантии при заочном избрании заключения под стражу и при продлении ранее избранных ограничений.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовно-процессуальное принуждение, меры пресечения, заключение под стражу, публичный интерес, права личности, соразмерность, судебный контроль, Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации.

Введение

Уголовно-процессуальное принуждение занимает в российском уголовном судопроизводстве особое место. С одной стороны, без него невозможно обеспечить явку участников производства, пресечь давление на потерпевших и свидетелей, предотвратить уничтожение доказательств, обеспечить исполнение приговора и возмещение причиненного вреда. С другой стороны, именно меры принуждения раньше многих иных процессуальных решений затрагивают свободу, личную неприкосновенность, имущество, трудовые и семейные связи лица, виновность которого еще не установлена вступившим в законную силу приговором суда.

Вопрос о балансе публичного интереса и прав личности возникает не только при заключении под стражу. Он присутствует и при задержании подозреваемого, продлении домашнего ареста, наложении ареста на имущество, установлении запрета на общение, передвижение или использование средств связи. Ошибка в этой сфере имеет не только процессуальное, но и конституционное значение, поскольку принуждение применяется до окончательного разрешения вопроса о виновности.

Конституция Российской Федерации закрепляет право каждого на свободу и личную неприкосновенность; арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению [1]. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации развивает эти положения в разделе IV, где урегулированы задержание подозреваемого, меры пресечения и иные меры процессуального принуждения [2]. Тем самым законодатель выделяет принуждение в самостоятельный блок уголовно-процессуального регулирования. Его применение не может рассматриваться как техническое сопровождение расследования или как стандартная реакция на предъявленное обвинение.

На практике публичный интерес иногда подменяется удобством производства по делу. Между тем интерес государства в уголовном процессе не тождествен интересу стороны обвинения в максимально жестком ограничении подозреваемого или обвиняемого. Он связан с обеспечением нормального хода судопроизводства, защитой потерпевших, сохранностью доказательств и достижением назначения уголовного процесса, но не с фактическим наказанием лица до приговора. О. В. Качалова и В. И. Качалов, анализируя заключение под

стражу, указывают, что «логика применения меры пресечения в виде заключения под стражу строится на основе презумпции свободы» [8, с. 51]. Из этого следует иной порядок рассуждения: необходимость ограничения должна доказываться обвинением, тогда как свобода лица не нуждается в специальном оправдании.

Материалы и методы

Материалами исследования выступили положения Конституции Российской Федерации, Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, федерального законодательства о содержании под стражей, разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, судебная статистика и научные работы, посвященные мерам уголовно-процессуального принуждения. Методологическую основу составили формально-юридический метод, анализ судебной практики, системное толкование уголовно-процессуальных норм и сопоставление научных подходов к пределам ограничения прав личности в досудебном и судебном производстве.

Такой подход позволяет рассматривать процессуальное принуждение не как перечень разрозненных мер, а как систему правовых средств, каждое из которых должно проверяться по нескольким параметрам: законная цель, фактическая основа риска, необходимость вмешательства, возможность применения менее строгой меры и соразмерность ограничения.

Результаты и обсуждение

Назначение уголовного судопроизводства в ст. 6 УПК РФ сформулировано двусторонне. Закон говорит о защите лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и одновременно о защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод [2]. Поэтому баланс публичного интереса и прав личности не является внешним по отношению к уголовному процессу критерием. Он заложен в самом назначении судопроизводства.

Если уголовный процесс ориентируется только на раскрытие преступления, он постепенно утрачивает правовой характер и превращается в силовую процедуру. Если же процесс не способен обеспечить явку обвиняемого, безопасность участников и сохранность доказательств, он перестает выполнять охранительную функцию. Отсюда возникает не абстрактный выбор между государством и личностью, а более точный вопрос: какая мера вмешательства допустима в конкретной процессуальной ситуации.

Для мер пресечения ключевое значение имеют ст. 97 и 99 УПК РФ. Статья 97 связывает их избрание с достаточными основаниями полагать, что подозреваемый или обвиняемый может скрыться, продолжить преступную деятельность, угрожать участникам процесса, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по делу [2]. Статья 99 обязывает учитывать тяжесть преступления, сведения о личности, возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства. Конструкция закона в целом логична: сначала должны быть установлены процессуальные риски, затем — индивидуализирована конкретная мера. Наиболее частый дефект правоприменения возникает тогда, когда тяжесть обвинения фактически заменяет доказывание конкретного риска.

Позиция Верховного Суда Российской Федерации по данному вопросу выражена в постановлении Пленума от 19 декабря 2013 г. № 41. В нем разъяснено, что ограничения прав и свобод могут быть оправданы публичными интересами только при соблюдении требований справедливости, пропорциональности, соразмерности и необходимости для защиты конституционно значимых ценностей [4]. По существу, Верховный Суд вводит в сферу мер пресечения конституционный тест соразмерности, хотя в тексте УПК РФ он пока не закреплен как общее правило для всех мер процессуального принуждения.

Конституционный Суд Российской Федерации также исходит из недопустимости формального ограничения свободы в уголовном процессе. В постановлении от 15 февраля 2022 г. № 6-П он указал на необходимость судебного контроля, самостоятельной оценки обстоятельств дела и соблюдения требований справедливости, необходимости и пропорциональности при решении вопроса о заключении под стражу и продлении срока содержания под стражей [5]. Судебное решение в такой ситуации не может быть простым подтверждением позиции обвинения. Его смысл состоит в проверке фактической основы ходатайства.

Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ имеет значение уже после избрания самой строгой меры, поскольку регулирует режим содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых [3]. Заключение под стражу нельзя оценивать только как средство обеспечения явки. После его применения возникает длительный режим изоляции, влияющий на труд, семью, здоровье, общение с защитником и подготовку позиции по делу. Поэтому суду необходимо учитывать не только юридическую строгость меры, но и фактическую глубину вмешательства в жизнь конкретного лица.

Публичный интерес при применении уголовно-процессуального принуждения не совпадает с любым интересом следствия. Следователь может стремиться к процессуальной определенности: исключить риск неявки, ограничить контакты обвиняемого, упростить

производство отдельных действий. Однако публичный интерес как правовая категория возникает лишь там, где ограничение действительно необходимо для целей уголовного судопроизводства. Иначе принуждение начинает обслуживать не правосудие, а организационный комфорт обвинения.

И.Р. Хроменков связывает публичные интересы при применении судом мер принуждения с «обеспечением нормального хода судопроизводства» [9, с. 157]. Такой подход приемлем при условии, что нормальный ход судопроизводства понимается не как ускорение расследования любой ценой, а как движение дела в законной процедуре с сохранением состязательности, права на защиту и судебной проверки ограничений. Публичный интерес не находится над процессуальной формой; он реализуется внутри нее.

Частный интерес подозреваемого или обвиняемого также не должен упрощаться до желания избежать ответственности. У лица может быть законный интерес в сохранении свободы, работы, семейных связей, доступа к лечению, возможности полноценно участвовать в защите. При аресте имущества затрагиваются интересы собственников, членов семьи, юридических лиц и контрагентов, которые сами могут не иметь отношения к уголовному преследованию. Баланс нарушается в тот момент, когда такие интересы заранее считаются второстепенными по сравнению с интересом расследования.

В практике распространен довод о том, что тяжкое или особо тяжкое обвинение само по себе повышает риск уклонения. Этот аргумент нельзя полностью исключить. Возможность длительного лишения свободы действительно может учитываться при оценке поведения лица. Но тяжесть обвинения не должна превращаться в самостоятельное основание для изоляции. Она имеет значение только в совокупности с иными данными: прежней явкой, социальными связями, местом жительства, поведением после возбуждения дела, наличием попыток давления на участников процесса или уничтожения доказательств.

Дискуссия по этому вопросу отражена в обзоре круглого стола, опубликованном в журнале «Актуальные проблемы российского права». Один из участников указывал, что тяжесть преступления и грозящего наказания должна рассматриваться как сведения, подтверждающие возможное уклонение лица от расследования и суда [14, с. 245]. Сама по себе эта позиция не ведет к автоматическому аресту: она требует, чтобы суд объяснил, почему именно в данном деле тяжесть обвинения связана с реальным риском уклонения, а не просто воспроизводит формулу закона.

Заключение под стражу остается наиболее жесткой мерой пресечения. Оно непосредственно затрагивает физическую свободу и потому должно применяться как исключение. Российская практика в этой части вызывает устойчивые споры: судебная

процедура существует, но ее реальное качество зависит от мотивировки, активности защиты, полноты материалов и готовности суда проверять доводы обвинения.

Судебная статистика за 2024 год показывает масштаб проблемы. Было заявлено 93 753 ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, из них удовлетворено 82 514 [7]. Эти данные сами по себе не свидетельствуют о незаконности практики. Они показывают другое: судебный контроль за изоляционными мерами носит массовый характер, а значит требования к мотивировке и проверке альтернатив не могут восприниматься как факультативные.

С.И. Вершинина, исследуя вопрос о чрезмерности применения заключения под стражу, предлагает оценивать его через установление «меры» применения данной меры пресечения [10, с. 21]. Такой подход точнее общего утверждения о чрезмерности арестов. Статистика не дает основания механически объявлять каждое удовлетворенное ходатайство нарушением. Но она заставляет внимательнее проверять, не подменяется ли индивидуальная оценка дела устойчивой практической привычкой к изоляции.

Наиболее серьезное искажение появляется тогда, когда заключение под стражу начинает выполнять карательную функцию. Формально суд не решает вопрос о виновности, однако длительная изоляция до приговора нередко воспринимается как предварительное наказание. При продлении сроков эта проблема усиливается: первоначальные риски могут многократно повторяться в судебных постановлениях без анализа того, сохранились ли они после проведения основных следственных действий.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2026 г. № 9-П имеет значение для вопроса заочного избрания заключения под стражу. Суд указал на недопустимость искусственного использования объявления лица в международный или межгосударственный розыск только для создания формальной возможности применения ч. 5 ст. 108 УПК РФ [6]. Данная позиция показывает, что внешнее соблюдение процессуальной конструкции еще не гарантирует законность ограничения. Если механизм используется не по назначению, нарушается сама логика судебной гарантии.

Развитие альтернатив заключению под стражу в целом соответствует идее соразмерности. Запрет определенных действий, домашний арест и залог позволяют точнее соотнести риск и объем ограничения. Вместе с тем замена изоляции иной мерой не всегда автоматически означает соблюдение прав личности. Домашний арест при жестком наборе запретов может приближаться к фактической изоляции. Запрет определенных действий способен серьезно затронуть труд, учебу, лечение и семейные обязанности. Залог может

оказаться формально гуманной, но реально недоступной мерой, если его размер не соотнесен с имущественным положением лица.

К.Б. Калиновский, анализируя запрет определенных действий, отмечал, что в российском уголовном процессе «достаточно остро стоял вопрос о дефиците мер пресечения» [11, с. 9]. Новые меры действительно снимают грубую альтернативу между подпиской о невыезде и заключением под стражу. Но они требуют точной настройки. Запрет пользоваться интернетом, общаться с определенными лицами, выходить из помещения в определенное время или управлять транспортом оправдан лишь тогда, когда соответствующее поведение связано с рисками по конкретному делу.

Залог в российской практике применяется редко. Причины связаны не только с недоверием правоприменителя, но и с отсутствием устойчивой методики определения его размера. Слишком низкий залог теряет обеспечительный смысл. Чрезмерный размер превращает его в имущественный фильтр: состоятельный обвиняемый получает реальную альтернативу изоляции, а лицо без значительных средств такой альтернативы фактически лишается. Поэтому значение имеет не формальное расширение залога, а его индивидуализация с учетом дохода, семейных обязанностей, характера обвинения, размера причиненного вреда и риска уклонения.

Домашний арест также нуждается в более точной оценке. С.В. Колоскова связывала развитие домашнего ареста с тенденцией гуманизации и дифференциации мер пресечения [13, с. 14]. Это справедливо в сравнении с заключением под стражу. Однако домашний арест сам по себе не является мягкой мерой для лица, которое нуждается в регулярном лечении, работает очно, содержит семью или осуществляет уход за родственниками. Суду следует мотивировать не только выбор домашнего ареста вместо заключения под стражу, но и конкретный набор запретов.

Иные меры процессуального принуждения нередко воспринимаются как менее проблемные, поскольку не всегда связаны с изоляцией. Такое восприятие слишком поверхностно. Обязательство о явке, привод, временное отстранение от должности, наложение ареста на имущество и денежное взыскание могут существенно затрагивать личную и имущественную сферу. Особенно заметно это при аресте имущества, когда ограничение распространяется не только на обвиняемого, но и на членов семьи, иных собственников или хозяйствующий субъект.

Е.Г. Васильева обращала внимание на то, что даже кратковременное ограничение прав личности не означает мягкости и безвредности принудительной меры [15, с. 123]. Для уголовного процесса этот вывод принципиален. Вред от ограничения определяется не только

сроком, но и характером затронутого права. Краткий привод, временное отстранение от должности, арест имущества или принудительное взыскание могут повлечь последствия для репутации, работы, имущественного положения и личной автономии.

Наложение ареста на имущество требует отдельной оценки. Публичный интерес здесь обычно выражается в обеспечении гражданского иска, возможной конфискации, штрафа или иного имущественного взыскания. Но имущество может находиться в совместной собственности супругов, использоваться юридическим лицом, обеспечивать предпринимательскую деятельность или выполнение обязательств перед работниками и контрагентами. Общая ссылка на необходимость обеспечения приговора недостаточна, если суд не проверяет связь имущества с обвинением и предполагаемый размер взыскания.

Более точным ориентиром для такой меры выступает имущественная соразмерность. Арест не должен превышать разумно предполагаемый размер гражданского иска, штрафа, конфискации или иного взыскания. Нужна и эффективная процедура защиты третьих лиц. Если имущество принадлежит не обвиняемому либо используется для обычной хозяйственной деятельности, публичный интерес в обеспечении приговора должен сопоставляться с риском несоразмерного вреда лицам, не являющимся субъектами уголовного преследования.

Судебный контроль является центральной гарантией баланса, но его наличие в законе само по себе не решает проблему. Нельзя утверждать, что суды всегда формально подходят к ходатайствам обвинения. Сложность в другом: процедура часто развивается в условиях ограниченного времени, неполноты сведений и очевидного информационного преимущества стороны обвинения. Защита нередко получает возможность реагировать уже на сформированную следственную позицию.

Н.Н. Ковтун и Е.В. Сулова критически оценивали эффективность оперативного судебного контроля, указывая на риск того, что суд фактически «штампует» решения о применении мер процессуального принуждения [16, с. 37]. Эту оценку нельзя переносить на всю судебную практику без оговорок. Однако она точно фиксирует слабое место: судебное решение теряет качество акта правосудия, если в нем не проверены фактические основания рисков, не обсуждены альтернативы и не дана оценка доводам защиты.

Существует и обратное возражение: чрезмерная активность суда при рассмотрении ходатайства о мере пресечения может восприниматься как выход за пределы состязательности. Действительно, суд не должен собирать доказательства вместо обвинения или становиться дополнительным участником стороны защиты. Но проверка возможности более мягкой меры не нарушает состязательность. В этом случае суд не подменяет стороны, а

выполняет собственную конституционную функцию — не допускает несоразмерного вмешательства в права личности.

Особое значение имеет продление мер пресечения. Первоначальное избрание меры обычно происходит на раннем этапе расследования, когда ряд рисков еще может быть обоснован неполнотой доказательственной картины. При продлении ситуация иная. Суду необходимо проверять, какие следственные действия уже проведены, какие еще остаются, нарушало ли лицо ранее установленные запреты, сохранились ли основания для ограничения. Если свидетели допрошены, документы изъяты, экспертизы назначены, прежняя мотивировка не может автоматически переходить из одного постановления в другое.

Проблема немедленного исполнения решения о заключении под стражу при постановлении приговора также показывает неполноту гарантий. В.А. Филатьев обращал внимание на ситуацию, когда решение о мере пресечения, включенное в приговор, фактически исполняется немедленно, но не может быть оперативно обжаловано отдельно от приговора [12, с. 3]. Если такое решение сохраняет самостоятельный ограничительный эффект, оно должно сопровождаться реальным порядком безотлагательного пересмотра. Иначе возникает риск фактического исполнения меры до вступления приговора в законную силу без достаточной процессуальной компенсации.

Совершенствование регулирования целесообразно начинать с общего правила соразмерности мер уголовно-процессуального принуждения. Сейчас этот критерий выводится из Конституции Российской Федерации, позиций Конституционного Суда Российской Федерации и разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, но в УПК РФ он не выражен как универсальное требование. В общих положениях раздела IV УПК РФ могла бы быть закреплена норма, согласно которой мера процессуального принуждения допускается при наличии законной цели, фактических данных о процессуальном риске, невозможности достичь цели менее ограничительным способом и соразмерности вмешательства характеру риска.

Не менее существенна мотивировка судебных решений. В постановлении суда должны отражаться не только статья обвинения и сведения о личности, но и конкретные обстоятельства, подтверждающие каждый заявленный риск. Ссылка на тяжесть преступления допустима лишь в связи с объяснением, почему она в данном деле повышает вероятность уклонения, давления или иного воспрепятствования производству. Отсутствие анализа более мягкой меры следует рассматривать как самостоятельный дефект судебного решения.

Отдельное правило требуется для продления мер пресечения. При каждом продлении суд должен оценивать динамику расследования: какие действия проведены, какие остаются,

почему без сохранения меры невозможно обеспечить дальнейшее производство. Такая процедура позволила бы ограничить повторение одних и тех же формулировок и связать продолжительность ограничения с реальным состоянием дела.

Залог и запрет определенных действий следует развивать как реальные, а не декларативные альтернативы изоляции. Для залога необходимы более ясные критерии определения размера: имущественное положение лица, размер вреда, тяжесть обвинения, риск уклонения, наличие поручителей или иного обеспечения. Для запрета определенных действий требуется прямая связь между запретом и процессуальным риском. Например, запрет пользоваться интернетом оправдан по делам, где сеть использовалась для совершения преступления, давления или уничтожения цифровых следов, но не должен применяться как универсальное ограничение.

При аресте имущества суду следует указывать предполагаемый размер обеспечиваемого взыскания, связь имущества с обвиняемым или возможным взысканием, а также причины, по которым менее обременительные имущественные ограничения недостаточны. Для третьих лиц необходим быстрый порядок пересмотра ареста, особенно когда имущество используется в предпринимательской деятельности или обеспечивает жизненные потребности семьи.

Часть 5 ст. 108 УПК РФ, регулирующая заочное избрание заключения под стражу, также нуждается в дополнительных гарантиях. После постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2026 г. № 9-П очевидно, что формула международного или межгосударственного розыска не должна использоваться как искусственный процессуальный ключ к заочному аресту. Суду необходимо проверять реальность розыскных мероприятий, известность лицу обвинения и возможность доведения позиции защиты. После задержания или добровольной явки лицо должно получать право на быстрый очный пересмотр меры.

Наконец, существенное значение имеет не только изменение закона, но и устойчивый стандарт судебной проверки. Апелляционная инстанция должна оценивать не формальное наличие ссылок на ст. 97 и 99 УПК РФ, а индивидуальность мотивировки: почему установлены именно эти риски, почему выбрана именно эта мера, почему более мягкие ограничения недостаточны. Без такого подхода даже корректные изменения закона могут быть поглощены прежней шаблонной практикой.

Заключение

Баланс публичного интереса и прав личности при применении мер уголовно-процессуального принуждения представляет собой не политико-правовой компромисс, а юридический стандарт. Он требует проверки цели ограничения, фактической основы риска, необходимости вмешательства, возможности более мягкой меры и соразмерности последствий. Публичный интерес в уголовном процессе существует не вне прав личности, а в рамках их допустимого и строго мотивированного ограничения.

Российское законодательство содержит основные элементы такого баланса: конституционные гарантии свободы и личной неприкосновенности, судебный порядок применения наиболее строгих мер, перечень оснований и обстоятельств, подлежащих учету, систему альтернатив заключению под стражу. Основная проблема состоит не столько в отсутствии норм, сколько в риске их формального применения. Именно поэтому качество судебной мотивировки и проверка альтернатив имеют самостоятельное значение.

Наиболее оправданным направлением развития является переход от логики привычного ограничения к логике минимально необходимого вмешательства. Обвинение должно доказывать не абстрактную опасность лица, а конкретный процессуальный риск. Суд должен проверять не только наличие предусмотренного законом основания, но и необходимость именно той меры, которую просит применить следствие. При таком подходе публичный интерес перестает быть общей ссылкой в пользу принуждения и становится правовым основанием для строго ограниченного вмешательства.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2014. — № 31. — Ст. 4398; Российская Федерация. Законы. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: ред. от 9 апреля 2026 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
3. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ: ред. от 31 июля 2025 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 29. Ст. 2759.

4. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41: в ред. постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 2025 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2014. № 2; 2025. № 7.
5. По делу о проверке конституционности статьи 242 и частей первой и третьей статьи 255 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.С. Мамонтова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 февраля 2022 г. № 6-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 9 (ч. II). — Ст. 1386.
6. По делу о проверке конституционности части пятой статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Малиновского Ярослава Степановича: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2026 г. № 9-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2026. № 10 Ст. 1222.
7. Рассмотрение ходатайств при следственных действиях: отчет за 2024 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/15/s/13> (дата обращения: 16.05.2026).
8. Качалова О.В., Качалов В.И. Заключение под стражу в качестве меры пресечения: обоснованность применения и продления: научно-практическое пособие. Москва: Российский государственный университет правосудия, 2020. 82 с.
9. Хроменков И.Р. Процессуальная деятельность суда по обеспечению правовых интересов в досудебном производстве по уголовным делам: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2021. 266 с.
10. Вершинина С.И. О чрезмерности применения заключения под стражу // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 3. С. 18–24.
11. Калиновский К.Б. Запрет определенных действий как мера пресечения // Уголовный процесс. 201 № 6. С. 9–14.
12. Филатьев В.А. Решение о заключении под стражу как часть приговора: о немедленном исполнении и безотлагательном обжаловании // Международная ассоциация содействия правосудию 2019 С. 1–7.
13. Колоскова С.В. Домашний арест как мера пресечения в современном уголовном судопроизводстве России: доктрина, юридическая техника и правоприменительная практика:

автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2014. 31 с.

14. Шагинян А.С., Скоблик К.В. Меры уголовно-процессуального принуждения. Обзор круглого стола от 22.09.2017 // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9. С. 243–248.

15. Васильева Е.Г. Меры уголовно-процессуального принуждения: монография. Уфа: Башкирский государственный университет, 2003. 134 с.

16. Ковтун НН., Сулова Е.В. Эффективность оперативного судебного контроля // Международная ассоциация содействия правосудию. 2018. С. 34–42.

BALANCE OF PUBLIC INTEREST AND INDIVIDUAL RIGHTS IN THE APPLICATION OF CRIMINAL PROCEDURAL COERCION

Begova Dinara Yakubovna

Candidate of Legal Sciences,

Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics,

Law Institute,

Dagestan State University,

Makhachkala, Russian Federation

Bagatyrov Akhmedkhan Magomedtagirovich

Master's Student,

Law Institute,

Dagestan State University,

Makhachkala, Russian Federation;

independent researcher

Annotation. The article examines the relationship between public interest and individual rights in the application of criminal procedural coercion in Russian criminal proceedings. The study addresses constitutional limits on the restriction of rights, provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, explanations of the Supreme Court of the Russian Federation, legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and scholarly approaches to assessing the admissibility of procedural coercion. The author argues that public interest cannot be reduced to the prosecution's preference for the most convenient or severe measure. It has legal significance only when the restriction is connected with the purpose of criminal proceedings, supported by specific factual circumstances and remains proportionate to the procedural risk being assessed.

Keywords: criminal procedure, criminal procedural coercion, preventive measures, detention, public interest, individual rights, proportionality, judicial control, Constitutional Court of the Russian Federation, Supreme Court of the Russian Federation.

References

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by nationwide vote on 12 December 1993: as amended by the nationwide vote of 1 July 2020. Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398; Law of the

- Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation No. 1-FKZ of 14 March 2020. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, 2020, no. 11, art. 1416.
2. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 174-FZ of 18 December 2001: as amended on 9 April 2026. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, 2001, no. 52, part I, art. 4921.
 3. On Detention of Suspects and Accused Persons: Federal Law No. 103-FZ of 15 July 1995: as amended on 31 July 2025. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, 1995, no. 29, art. 2759.
 4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 41 of 19 December 2013 On the Practice of Applying Legislation on Preventive Measures in the Form of Detention, House Arrest, Bail and Prohibition of Certain Actions: as amended by Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 of 27 May 2025. *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation]*, 2014, no. 2; 2025, no. 7.
 5. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 6-P of 15 February 2022 in the case concerning the constitutionality of Article 242 and Parts 1 and 3 of Article 255 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of A.S. Mamontov. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, 2022, no. 9, part II, art. 1386.
 6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 9-P of 25 February 2026 in the case concerning the constitutionality of Part 5 of Article 108 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of Yaroslav Stepanovich Malinovskiy. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, 2026, no. 10, art. 1222.
 7. Consideration of petitions during investigative actions: report for 2024. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation: official website. Available at: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/15/s/13> (accessed 16.05.2026).
 8. Kachalova O.V., Kachalov V.I. Detention as a preventive measure: validity of application and extension: scientific and practical manual. Moscow, Russian State University of Justice Publ., 2020. 82 p.
 9. Khromenkov I.R. Procedural activity of the court in ensuring legal interests in pre-trial criminal proceedings: Cand. Sci. (Law) dissertation. Moscow, 2021. 266 p.
 10. Vershinina S.I. On the excessive use of detention. *Legal Bulletin of Samara University*, 2023, vol. 9, no. 3, pp. 18–24.
 11. Kalinovskiy K.B. Prohibition of certain actions as a preventive measure. *Criminal Procedure*, 2018, no. 6, pp. 9–14.
 12. Filatyev V.A. Decision on detention as part of a sentence: immediate execution and urgent appeal. *International Association for the Assistance of Justice*, 2019, pp. 1–7.
 13. Koloskova S.V. House arrest as a preventive measure in modern Russian criminal proceedings: doctrine, legal technique and law enforcement practice: abstract of Cand. Sci. (Law) dissertation. Moscow, 2014. 31 p.
 14. Shaginyan A.S., Skoblik K.V. Measures of criminal procedural coercion. Review of the round table of 22 September 2017. *Actual Problems of Russian Law*, 2018, no. 9, pp. 243–248.
 15. Vasilyeva E.G. Measures of criminal procedural coercion: monograph. Ufa, Bashkir State University Publ., 2003. 134 p.
 16. Kovtun N.N., Suslova E.V. Effectiveness of operative judicial control. *International Association for the Assistance of Justice*, 2018, pp. 34–42.